

Предисловие к публикации*

Сергей С. Шаулов

Башкирский государственный университет

Специалистам хорошо известна работа Р. Г. Назирова «Владимир Одоевский и Достоевский»¹. Она, несмотря на свой солидный возраст, остается в активном научном обороте². В то же время для нас эта статья, может быть, самый яркий пример сложной издательской и читательской судьбы работ Назирова: достаточно сравнить объем прижизненной и предлагаемой сейчас читательскому вниманию архивной публикации; вместо концептуально значимого труда в 1974 году автору удалось опубликовать только два частных наблюдения (пусть и в самом авторитетном издании по истории русской литературы). Значительно менее известна провинциальная публикация — статья «Чехов против романтической традиции»³, представляющая собой сокращенное (причем, на наш взгляд, не вполне удачно сокращенное) изложение положений публикуемой сейчас работы. Желаемой полной публикации до настоящего времени не было. Конечно, заметка эта прошла в одном из самых авторитетных отечественных периодических изданий, однако желаемой полной публикации до настоящего времени не было.

Для самого Назирова эта статья, очевидно, представляла значительную ценность; об этом свидетельствует, прежде всего, обилие связанных с ней материалов. Они сохранились в двух архивных делах: папке № 175 «Мои статьи и варианты. 17–19»⁴ и папке № 21⁵, подписанной «Статьи по фольклору» (как оказалось, не только по фольклору). Из них первая с момента смерти ученого хранилась в основной части архива, а вторая была перевезена Д. Г. Назировой (сестрой Ромэна Гафановича) к себе вместе с обширным пулом других архивных материалов, а потому была открыта и исследована значительно позже (собственно, как и все материалы, входящие в опись № 4, созданную специально для этой части

* Публикация выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Башкортостан в рамках научного проекта № 16–14–02008.

¹ Владимир Одоевский и Достоевский // Русская литература. 1974. № 3. С. 203–206.

² См., например, интересную статью испанского исследователя: Гонсалес А. «Живой мертвец» и «Двойник», или еще раз о фантастике Достоевского (из наблюдений переводчика) // Проблемы исторической поэтики. 2016. С. 170–183.

³ Назиров Р. Г. Чехов против романтической традиции (к истории одного сюжета) // Русская литература 1870–1890-х гг. Сб. 8. Свердловск, 1975. С. 96–111.

⁴ АРГН, оп. 2.

⁵ АРГН, оп. 4.

архива).⁶

В папке № 175 хранятся следующие документы:

1. Два варианта машинописи под названием «Значение Владимира Одоевского», отличающиеся друг от друга незначительно, только стилистически, а также рукописные фрагменты и заметки, видимо, относящиеся к этой же машинописи.

2. Машинопись «О влиянии Владимира Одоевского на русскую прозу» — сокращенный вариант предыдущего документа, с «редуцированным» экскурсом в Достоевского, опять же в двух, незначительно различающихся стилистически видах. Ни один, правда, не совпадает со статьей «Чехов против романтической традиции», ее машинописи или рукописи в архиве нет (это, кстати, интересный факт — может быть, сокращение большого текста для свердловской публикации вообще делал не Назиров?). Сюда же примыкают (то есть выделены в одну общую папку) и фрагментизированные рукописи «Достоевский и Одоевский» (и наоборот), опять же в нескольких вариантах.

3. Машинопись «Новаторские заимствования: Достоевский и Одоевский» — по всей видимости, машинописный вариант доклада, прочитанного в середине 1970-х годов в московском музее Достоевского.

Главное, что содержит в себе папка № 21 «Статьи по фольклору», — наиболее полный вариант интересующей нас работы: машинопись «О месте Одоевского в русской литературе». Второй ее вариант отличается опять же стилистически и представлен только фрагментами; создается впечатление, что Назиров убрал из папки дублирующие друг друга части работы. Этот источник дополняет обширное поле рукописных и машинописных фрагментов разного размера и характера.

В целом, нам представляется, что ближе всех к исходной редакции этой работы (которая, возможно, и послалась Г. М. Фридендеру для содействия в публикации), находится машинопись «Значение Владимира Одоевского». На ее относительно ранний характер указывает и отчасти излишняя публицистичность, большая «цветистость» слога, и в то же время некоторая тезисность изложения материала.

После неудачи полной публикации, видимо, была попытка «продвинуть» этот труд через московский музей Достоевского; отсюда и большая машинопись о «новаторских заимствованиях», которая, однако, вполне может быть моложе самого доклада и включать в себя реакцию на его обсуждение⁷ (см. Приложение к настоящей публикации).

Машинопись «О влиянии Владимира Одоевского на русскую про-

⁶См.: Шаулов С. С. Номенклатура Назировского архива. Дополнения // Назировский архив. 2014. № 2. С. 4–5.

⁷Издательская история этой работы затрагивается в переписке Назирова и Г. М. Фридендера, которая в настоящее время готовится к печати. Возможно, имеет смысл отдельная публикация полного текста доклада «Достоевский и Одоевский» в специализированном достоевсковедческом издании. — С. III.

зу» похожа на попытку напечатать «основной» материал хотя бы в сокращенном виде. После этой неудачи, по нашему мнению, и создается (похоже, что именно «в стол») итоговый материал «О месте Одоевского в русской литературе», который, однако, не дублирует полностью «Новаторские заимствования. . . ». Два этих документа подводят черту под трудами Назирова об Одоевском.

Таким образом, за основу предлагаемой публикации взята наиболее полная машинопись — статья «О месте В. Ф. Одоевского в русской литературе», дополненная не дублированными в ней отрывками из доклада «Достоевский и Одоевский», а также более ранних документов («Значение Владимира Одоевского», заметки и пр.). Понимая, что далеко не все эти материалы были бы использованы автором, если бы эта публикация готовилась им самим, мы тем не менее публикуем многие из них, ради того, чтобы сохранить живое ощущение движения исследовательской мысли, и, возможно, зафиксировать те этапы развития отечественной гуманитарной мысли, которые сейчас представляются уже историей. Собственно, эту же цель преследует и публикация в приложении плана работы над статьей и некоторых замечаний к докладу «Достоевский и Одоевский», зафиксированных Назириным.

Разумеется, все вставки в основной текст выделены графически и обозначены редакционными литерными сносками. Авторские ссылки на использованные источники и научную литературу сохранены в том виде, в каком они присутствуют в публикуемых документах.

Нам представляется, что этот труд Назирова об Одоевском, наряду со статьей «Петербургская легенда и литературная традиция»⁸ и работами о «Бесах» и «Скверном анекдоте», входит в число его лучших статей семидесятых годов, ««золотого времени» для творческой активности Назирова».⁹ Эти труды — прямое отражение его работы над главным трудом — диссертацией «Традиции Пушкина и Гоголя в русской прозе». Далеко не всё из них впоследствии вошло даже в полный текст диссертации, однако представленная в ней концепция без них будет, безусловна, неполна.

В основном (полном) тексте докторской диссертации тема нынешней публикации отразилась в одном абзаце: «Тема высокого безумия решалась еще в одной фабуле, соединяющей историю безумца с мотивом любви к неземной женщине; эта фабула завершается физической или ду-

⁸ Назиринов Р. Г. Петербургская легенда и литературная традиция // Ученые записки Башкирского университета. Вып. 80. Традиции и новаторство. — Уфа, 1975. С. 122–135. Кстати, эта статья, несмотря на ее более счастливую издательскую историю, также нуждается в публикации, восстанавливающей ее авторский вид. О других работах 1970-х годов см.: Орехов Б. В. Сводная библиография трудов Р. Г. Назирова и работ о нём (1955–2015) // Назириновский архив. 2015. № 2. С. 160–164.

⁹ Орехов Б. В., Шаулов С. С. Очерк научной биографии Р. Г. Назирова // Назириновский архив. 2015. № 2. С. 105.

ховной гибелью героя, редко — спасением. Традицию открывает “Сильфида” Одоевского; фабулу использует Тургенев в “Призраках”, полемически перерабатывает Чехов в “Черном монахе” и завершает А. Грин в “Бегущей по волнам”».

Таким образом, при развитии назировской концепции исторической динамики фабульных структур нужно помнить, что выделение им в докторской диссертации пяти пушкинских и пяти гоголевский фабулы в какой-то степени условно. Фабульных традиций, разумеется, больше; причем, часть их них уже описана самим Назировым.